

Предновогодние раздумья

Стихи и проза писателей Дома учёных

Москва
2024

Литературное объединение
Центрального Дома учёных

Программа

Литературно-музыкального вечера

«Предновогодние раздумья»

18 декабря 2024

Елена Ткачевская *Стихотворения 1 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 1*

Елена Ткачевская *Стихотворения 2 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 2*

Владимир Поляков *Рассказы 1 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 3*

Владимир Поляков *Рассказы 2 часть*

Маргарита Соснова *Стихотворения 1 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 4*

Маргарита Соснова *Стихотворения 2 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 5*

Николай Иодловский *Стихотворения 1 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 6*

Николай Иодловский *Стихотворения 2 часть*

Валерия Стемасова *Музыкальное выступление 7*

Елена Ткачевская

* * *

Предновогодние раздумья... О чем они?
Не скажешь в двух словах—
В них боль и радость, гнев и страх.
О том они, какие дни
сложили год строением прочным,
что обратилось в хладный прах,
и на каких таких правах
вдруг слово стало самым точным.

* * *

Звучала музыка, не нарушая тишины,
слова и мысли не были нужны
такому состоянию. Душа
в растерянности замирала, вороша
воспоминаний ворох. Птичья стая
прозрачной акварелью в небе тая,
всё удалялась. Вечер омывал
уставший город, как девятый вал
мелодия стихийно настигала
того, кто слышал, пережив немало.
Потом, друг другу ставшие нужны,
звучали музыка и слово, совсем не нарушая тишины.

* * *

Творить из сущего
не так уж сложно.
И неимущему
доступно много.
Но высший пилотаж творенья,
когда из ничего — и всё.
И созидание
не терпит разрушенья
пока ещё...

* * *

Silentium... И звук, и слово,
событий, мыслей переплёт —
так жизненный водоворот
касается всего живого.
Из подсознания идёт
то действие, то размышление,
и принимается решение
принять паденье иль полёт
то призрачный, а то реальный.
Всё важно, что пережито.
Не заслонит собой никто
ни горизонт, ни берег дальний,
ни тишину, ни звук, ни слово
как сущности всего живого.

* * *

Как путешествие без багажа,
Как двух стихий граница, как межа
Между мирами, созданными всеу...
Игра воображения рисует
Витражные узоры, миражи.
Какого трепета заслуживает жизнь,
Когда нежданно, вроде ниоткуда
Волной приходит ощущение чуда!
Как на скале зацепка, как мосток —
Так человечен доброты росток.
И одеваться нет желания в слова,
Когда душа и так едва жива.

* * *

Притяжение тишины существует...
Ещё какое!
Гравитации посильнее.
А слова-то мои
из неразомкнутых губ
прямо губами снимаешь —

вот потому-то вокруг тишина.
Что говорить-то...

* * *

«Там, где ты, / Там и любимый город»
Е. Степанов

Как меняется это пространство вокруг:
Вот другие цвета и оттенки, и звуки.
В продолжение соприкоснувшихся рук
Забывается привкус привычной разлуки.

Пусть иной появляется смысл и контекста игра
У шумящего города в предновогодье.
И пока что не стало докучным «вчера»
Драгоценное, тёплое наше «сегодня».

* * *

Так тихо уходил из дома,
как будто мы едва знакомы,
как будто вор, как будто ветер...
И мне теперь на белом свете
нет поцелуя на прощанье
и возвращенья обещанья.
Лишь двери скрип — давно знакомый.
Так тихо уходил из дома...

* * *

Не говорю — «люблю», скажу — «любила»...
Всего лишь пара букв как слово изменила!
Оно теперь не так звучит и пламенеет,
и лишь теплом остаточным согреет.

Всего лишь пара букв лишила слово силы,
развела тепло и пламя погасила.
Забудутся слова, от сердца боль отхлынет,
лишь в памяти моей «люблю» звучит отныне.

* * *

Память — великий комбинатор,
соединяет в любых пропорциях
желаемое и действительное,
события и несобытия;
встречи, невстречи;
прощания, непрощания;
сбывшиеся, несбывшиеся
мечтания, обещания.
Память — искусный примиритель,
а, может, и устроитель
чего-то неустроенного, недостроенного.
Мы всегда ли об этом помним?

* * *

Счастье
нажать
на кнопку звонка
и дожидаться
открытия двери
а не открывать её
своим ключом

* * *

Эти шесть букв меж нами как связка сУдеб,
как предсказание жизни, которая будет.
Эти звонки, эти письма в потоке событий —
с ними не позабыть нам
эти шесть букв, сотворивших слово,
как ощущение чуда земного и неземного.

* * *

Ресничка на щеке... Твоя? Моя? Не знаю...
Я всё ещё не здесь — я пребываю
в том измерении, где позабыто время.
Лишь подсознательному внемля,
подобно бабочке прильнув к букету,

я чувствую, как истекает лето.
Но нет доверия календарю,
когда застывшей часовой стрелкой
ресничка на щеке... Передарю
тебе всю эту безрассудность, безмятежность
и бабочки беспечной нежность.

* * *

Вот так сон!
Жила я как Старуха
в домике у Синего у моря.
Часто отлучался на рыбалку
мой Старик. Любил он только рыбу...
Говорил ещё, что любит море,
только не было совсем ему доверья,
потому как верил в чудеса.
Я была во сне совсем другая:
домом занималась, а точнее,
ощущением дома дорожила,
чтобы в дом входил лишь гость желанный.
Так, конечно, в жизни не бывает,
но во сне-то многое возможно.
А роскошный терем и не нужен.
Крыша, стены — это всё условность,
символы, метафоры... А в доме
для меня важны крыльцо да окна,
потому что рыбака увижу,
стоя у окна, взглянув на море,
и неспешно выйду на крылечко
посмотреть улов его нехитрый,
чтобы достоверно убедиться —
невод был не с рыбкой золотой.

* * *

Выбегу на берег Пенелопой
и застыну твоей в ожидании
белых кораблей на горизонте.

Ветер мечется от ветки к ветке
и верхушку дерева качает,
и она уже подобна мачте,
паруса над морем развернула,
чтобы к берегу корабль причалил.
Ты легко мои узнаешь очертанья
среди зелёных туй, держащих берег.
Мы живые люди, далеко нам
до спокойствия, до стойкости деревьев.
Буйства и волнения стихии
в нас кипят, волною дикой страсти
намывается и соль сомнений.
Где б ты ни был — ты сроднился с морем,
ну, а я в своей прибрежной жизни
становлюсь на дерево похожей.
Так, наверно, пела Пенелопа...

* * *

Прощение
проистекает в щели
меж осколками
помнится долго
мнится
уцеление формы
держашей содержание
которому
сквозняки
то ли холодны
то ли колки
Про мщение
ни ни
ни слова
Соблазн
Воспоминаний
Смолкни

* * *

Потеря бывает необратимой
неизбежной, неотвратимой.
Время бежит-убегает, не бережно
память зарубками помечает, — спешно
и рассеянно. Опять перепутье
царапает сердце, ума захолюстье
тормошит бесцеремонно.
И даже темнота законная
бесчувственна и твердолоба.
И всегда-всегда виноваты оба,
а кажется — я одна...

* * *

Над временем не властен человек...
Но есть попытки удержать мгновенье.
Звук остановит нотой музыкант,
Мелодию доверив стану нотному.
Художник краски подберёт, карандаши,
На полотне изобразит картину.
И в памяти Поэт слова отыщет,
И строфами запишет в книгу.
Для памяти не так уж важно время.

* * *

Прежде слова была тишина,
после слова тоже будет тишина,
но это будет другая тишина,
ведь слово дало ей иное звучание,
новое знание...
И слово становится памятью,
и тогда его слышно даже в тишине.

* * *

Знаешь, я могла бы озвучить
любую твою картину...
Но не стану с этим торопиться,

потому что я пока не знаю,
сможешь ли звучание услышать.
И цвета, и формы бессловесны?
Нет. Они бы многое сказали,
но не каждый слушать их захочет,
и не всякий слушать их умеет.
Кто умеет, будет даже верить,
и тебе своё откроет сердце,
будет дальше жить
в другом пространстве,
даже если нас с тобою и не вспомнит.
Я могла бы, думаю, озвучить
каждую твою картину,
если только этого захочешь...

* * *

Слово моё уводит меня...
Хочешь спросить — куда?
Но лучше спроси — откуда?
От громко свистящих шоссе,
от грунтовых шуршащих дорог
к травую поросшим тропам,
в задумчивость дерева каждого,
в тревожность осины,
в наивность берёзы
и в терпкость сосново-елового бала.
А к дубу, несущему цепь золотую,
и близко не подойду,
учённость Кота
не хочу под сомнение ставить.

* * *

Горизонт горит в объятиях заката,
А закат замёрз — дыханье декабря.
Колкий ветер ледяным стаккато
Бьётся в берег, воду теребя.
Скоро встанет лёд. И мало солнца

*
К рыбам попадёт сквозь линзу льда.
Свет не знает глубины до донца,
И зима приходит навсегда.
Этих мыслей грустные последствия
Множатся и валяются в ночи.
Что-нибудь бездумное, как в детстве,
Расскажи, но только не молчи...
Потому, что слово человечье
Посильней дыханья декабря,
Потому, что слово — это Вечность,
Вместе с ним вращается Земля.

* * *

Отгородилась облаками
Земля от всей большой Вселенной.
Пусть безрассудно зажигает
любые звёзды тот прохожий,
которому от непогоды
ужасно сделалось тоскливо.
Наивно думать, будто звёзды
способны что-то изменить.
А вот когда наступит полночь,
в саду светильник загорится
и загорится лампа в доме.
И будет этот свет дороже
всех звёзд во всей большой Вселенной.

* * *

Наклон ковша Большой Медведицы
такой, что ничего в нём не удержится.
А разве небо звёздное старается
кого-то или что-то удержать?

* * *

Ночь тёмным зеркалом глядит в моё окно.
Свет выключаю. Вижу всё равно,
как мне звезда протягивает свет,

хоть миллионы лет её уж нет.
Вселенная со мною говорит
о прошлом. Для меня звезда горит.

Музыкальное выступление 1

Утреннее

Вот оно — возвращение звука
из молчащего небытия.
Так из шороха, шелеста, стука,
в небеса устремляется «ля»
с ощущением прыжка и полёта
гравитации сил вопреки.
И любая высокая нота
принимает течение реки,
шум деревьев и посвисты ветра,
птичий гам. А молчанье небес
продолжается часом рассветным,
не волнуя проснувшийся лес.

* * *

Обретает зеркальную зрячесть
успокоенная вода,
не оглянется никогда,
утекает, как время, не прячась,
в бесконечность, и безоглядно
устремляется капля за каплей.
Замолкает вода, замолкает...
Замолкла.
К Рождеству лишних звуков
не требует холод пространства.
Расставание с берегом
как с обстоятельством места —
вовсе не повод
для растерянности, непостоянства.
Невод помнит текучесть воды
и бесформенность этой стихии,

помнит пластику линий волны.
Как награда ему за труды —
эта память воды,
этот отдых в холодной неволе.
Замолкает, замёрзнув, вода,
всплеск последний — *vivat silentium...*
Снегом укрыты
этой замёрзшей воды прозрачные сны.
И оставили мысль о рыбалке Пётр и Павел,
за движением звёзд наблюдают
в предчувствиях смутных.
А с рассветом —
свет опять вспоминает
свой путь.
Обретает зеркальную зрячесть
успокоенная вода,
не оглянется никогда,
утекает как время, не прячась,
в бесконечность, и безоглядно
устремляется капля за каплей...

* * *

И я выбираю — быть как вода,
тогда не стоит бояться жажды,
никогда не захочется пить тогда,
и можно не плыть, а течь,
растекаться и перетекать.
Можно этой стихией стать,
не думать о форме,
ведь лишь содержание важно.
Замыслы могут коснуться любой глубины,
иль водопадом ринуться мысли,
а мелкие капельки выстроят радугу —
невозможна её красота без воды.
Ты разве не видишь это преображение?
Я пробую быть как вода...

* * *

Может эта Венеция вся — только память
о страшном Всемирном потопе?
Вездесуща вода, даже если из камня ковчег.
Затекают солёные слёзы в эти трещины камня
как будто в морщины.
У мостов изгибаются спины,
направляя течение морское
ближе к тверди земной.

* * *

Ялта дышит в такт морскому прибою,
пляж остывает, впадает в зимнюю спячку,
тембры звучаний схожи с тромбоном или габоем.
Чехов ходит у моря ночами
в надежде встретить даму или собачку,
но не встречает...

* * *

Судак спокоен и сонлив
без гонуэзского наречья.
Зимой туман окутал плечи
прибрежных скал. И тороплив,
и сбивчив волн холодных шёпот.
В ущельях ветра вой фонит,
подобен пенью Аонид
под камнепада гулкий рокот.
Судак задумчив, и молчат
средневековые строенья.
Деревья срублены, поленья,
чтоб пеплом стать, в костёр летят.
И согреваются потомки
античных греков и хазар,
а угли источают жар,
как долгой памяти обломки.
И время в крепостной стене
подпорку, камень истончает.

И море корабли качает.
И память теплится во мне.

* * *

Успокоенный дикий зверь,
штормом правивший буйной ночью,
тих и кроток, на дно морское
опустился и затаился.
В дымке утренней
волны с галькой
мирно шепчут:
«А-луш-ш-ш-та, А-луш-та».
Пробудившихся чаек стая
морю радуется с волнореза,
до них брызги не долетают,
успокоилось Чёрное море.
Только голубь взлетает в тревоге.

* * *

В каждой строчке стихотворения,
в каждом слове —
остановленное мгновение.
Что это такое, как не
со временем спор?
Нет в этом споре правых,
Нет неправых и заблудившихся нет.
Время огромно,
чтоб не сказать, бесконечно,
а мгновенья мои, озарения
видит — не замечает.

* * *

Барбос, бегущий краем огорода,
наверно, чувствует, что я его боюсь,
что я его слабей и мне всего три года,
но вырасту, с Барбосом подружусь.

И были куры, кролики, коты,
коза — не сыщешь сказочной соседства.
Не оставляя ощущение пустоты
уходит без прощаний детство.
И улетели пчёлы роем прочь,
из сада тихо в лес ушли ежи.
Никто ко мне не обратится: «Дочь».
И это тоже надо пережить.

* * *

Что-то наскребают в поднебесье
небоскрёбы, высясь над Трёхгоркой.
Облака, как серые повесы,
вместе с ветром мечутся без толку.
И, конечно, не вернутся боле
времена, где Пресненское поле
было незаборным и привольным,
не кичась соседством с градом стольным.

* * *

Разговариваю с облаком
не словами... Что слова?
Парк укутан ранним сумраком,
жухнет жёлтая трава,
мышь крадётся неуверенно,
с неба морось тут как тут.
Долго строится доверие,
рушится — за пять минут.
Новогодние предчувствия
тормошат души покой
как неявное присутствие
Фильки-речки под землёй

* * *

*«... вот чего не забудешь,
когда забудешь всё»*

О. Седакова

Пробегает по лугу ветер,
пригибает упругие травы,
настигает сосну у дороги,
остроту её хвои пробует
и корой шелестит золотистой.
И любому цветочку-листочку
ветер радуется да резвится —
и счастливый, и сумасшедший, —
а потом устремляется дальше,
ближе к югу или востоку,
будет кактусы, пальмы тревожить
и над морем, кружась и куражась,
вспомнит луг у реки
и деревья, что на севере вырастают.
И захочет ко мне вернуться.
А уж я ничего не забуду.

* * *

В доме жарится картошка,
отступает неуют.
По расчищенной дорожке
тихо ангелы идут.
На окне растут снежинки,
свет струится в темноту,
снег алмазными крупинками
заблестел и там и тут.
От глубинных ожиданий
отведи тяжёлый взгляд.
Новогодние желанья,
как снежинки, — невпопад.

* * *

Пусть не близок город Суздаль —
долг путь, желанна даль...
Снег блестит январским утром,
как подсвеченный хрусталь.
И поля, и перелески

Рады снежной белизне.
И восторг почти что детский,
И ворона на сосне —
Вот дорожные события.
Мысли, замыслы, стихи
Суздаль встретит как обитель,
Где огрехи — не грехи.

* * *

Жизнь — движение точки по ленте Мёбиуса:
вроде и просто, и плоско всё,
но меняется осязательно доступ к свету;
плюс, не чувствуя сожаления, превращается в минус,
и удача, меняя обличье, оборачивается неудачей,
каждый новый круг не преминет
вопрос переиначить
иль поменять ответом;
точка, линия, плоскость
осваивают пространство,
а когда не хватает объёма —
изгибается плоскость отчаянно
и становится облегчённым
путешествие в потусторонность.
Ох, откуда доверчивость эта
к ленте замкнутой
в танце смены координат?
Может только непосвящённый говорить,
что ему всё понятно,
остальным же при этом лихо
пропадают привычные смыслы
считать берёзки в роще осенней,
если слышно дыхание Вселенной
в каждом круге.

* * *

Жить — просто, если просто жить,
быть рядом с лесом или садом.

*
 А лучше быть внутри, тогда не надо
 терзаться мыслью — как построить дом,
 когда гармонии вокруг такая пропасть,
 и солнца луч вращает жизни лопасть
 и сердце открывает тем ключом,
 который для любых замков годится.
 А грань между «родиться»-«возродиться»
 почти пропала.
 Мы тут ни при чём...

* * *

*«Я обещаю вам сады
 С неомрачёнными цветами»
 К. Бальмонт*

Цветеньем яблони и вишни мой сад одет,
 кот смотрит взглядом человека, прожившего немало лет,
 вздыхает, прогреваясь, дом, скрипят деревья,
 зазеленел, воспрянул лес густой и древний.
 Произрастание травы столь рьяно, сколь и бестолково.
 А здесь любой души порыв ничем не скован:
 живи, твори, вспоминай о некогда бывавшем рае.
 Сад не обуздан, диковат, как приручить его — не знаю.
 Последний сад — не скучный сад, а молчаливый и печальный,
 и в нём, куда ни бросишь взгляд, есть ощущение древней тайны.

* * *

Встречаю утро у реки неспешно, долго,
 А называется река — Волга.
 От ветра лёгкая волна бежит на камень.
 И листья охватил уже осенний пламень.
 И всё мечтается о том, что хоть зимою
 Поговорим о том о сём и мы с тобою...

* * *

*
 Не изучавшие балетных па снежинки
 под фонарём танцуют неуклюже.
 Их ветер попытался обучить синхронности,

но склонности к свободному полёту
без ветра проявляются сполна.
Как стайка белых бабочек,
как балерин массовка
они летят
и приземляются неловко
в сугроб холодный,
в тропку на снегу.
Я сосчитать снежинки не могу.
И не считаю...

* * *

Зима...
Что делать нам?
А дел немало.
Светает поздно, а темнеет рано.
Вокруг леса замёрзшие, поля,
завьюжена, заснежена земля,
в окрестностях — безлюдно,
есть время насладиться тишиной.
Морозный воздух, резкий и прямой,
напоминает о прошедших зимах:
то — безымянных, то — наоборот.
И в праздничный водоворот
январь затягивает рьяно,
зима идёт своим привычным кругом.
И снег идёт, идёт, идёт...

* * *

При многократном повтореньи
лишь он один остался первым,
лишь он один остался белым,
при том, что, в сущности, холодный,
да и всего лишь — аш два о.

* * *

Одна встречаю Новый год,
часов почти не слышен ход.

*
Я даже света не включаю,
смотрю в окно и замечаю:
пустеют улицы, и вот
на них ступает Новый год.
На циферблате часовом
недолго стрелки шли вдвоём,
побыли вместе и уже
минутная на вираже,
как будто действуя вслепую,
обходит резво часовую.
К ней через час вернётся вновь —
такая странная любовь.
Собачий лай, петарды вой
на улице полупустой.
Одна встречаю Новый год,
как встречу — так он и пройдёт.

* * *

Мы не рыбы...
Разве только чуть-чуть
попадаемся в сеть,
повторяя изгибы мыслей
и пытаюсь прочесть
предсказанья судьбы
в каждом хрипе или прогибе.

Если бы
были мы только как рыбы,
избегающие безрыбья
пуще всякой сЕти или сетИ,
мы бы
были как дети,
как предначертано свыше.

* * *

Запоминаю каждый миг общенья...
А это значит, что дела не так уж плохи.

* * *

Созерцать
суетливость
сороки
стало
скучно
Созерцание
сопричастно
сну
спокойному
сонному
слуху
серпантинному
спуску
со склона
стылым
солнечным
светом
согретому
стуку
ставен
смыкающих
створки
Сон
созвучен
сорочьему
стрёкоту
соразмерен
сорочьим
следам

* * *

Глубоко ли небо в реку падает?
Достают ли до дна облака?
И не слишком ли Волга-реченька
синеве такой глубока?

* * *

*«Мы – вымысел безвестных вдохновений,
Мы – старого рондо певучий стих.»*

В.Брюсов

Два силуэта бронзовых оленей бросают тени
На снег, подсвеченный случайным фонарём,
Неспешно зимним парком мы бредём,
Обходим лестниц скользкие ступени,
И так желанен этот путь вдвоём...

Воспоминаньям мысли отдаём,
Вверяем разговор объятаям лени,
Доверчиво в попутчики берем
Два силуэта бронзовых оленей.

Во всей Вселенной – только мы идём,
Нет искушений, есть желаний тени.
И в небесах Путь Млечный узнаём
Средь звёздных напылений и скоплений.
Сопровождают нас в пути земном
Два силуэта бронзовых оленей.

Музыкальное выступление 2

То ли сказка, то ли быль... Путешествие на «машине времени»

Кто не испытывал соблазн окунуться в глубины истории и прочувствовать на себе — в каком времени было бы интересно и комфортно оказаться!?

Может быть, в 13-м веке, чтобы пережить монголо-татарское нашествие... Или в 16-м веке, во времена Ивана Грозного. А, может быть, в 17-м веке, переживая смутное время и правление Бориса Годунова? А если очутиться в 18-м веке, испытав на себе реформы Петра Первого и Екатерины Второй?

Нет. Я бы, пожалуй, предпочёл путешествие в просвещенный 19-й век, когда были «упойтельны в России вечера... балы, шампанское и хруст французской булки». Туда, где царили и торжествовали гусары, победившие французов. Где были изысканы манеры и строго соблюдались правила поведения в высшем обществе.

И вот моя мечта начинает сбываться, как в волшебном сне. Я во дворце, где в огромных хрустальных люстрах горят сотни толстых стеариновых свечей. Я кружусь в вальсе по разноцветному наборному паркету в бальных туфлях-лодочках, поддерживая за талию прекрасную даму в роскошном длинном платье с кринолином, у которой развеваются локоны изысканной прически, горят восхищенные глаза. Украдкой поглядываю на себя в зеркало и совсем не узнаю. У меня шикарные седые бакенбарды, чёрный фрак, белая накрахмаленная сорочка, стянутая жилетом, с белой бабочкой-бантом, стягивающим воротничок-стоечку. Ко мне обращаются: «Ваше Сиятельство!». На лацкане фрака у меня почётный Орден Станислава, и через плечо — красная орденская лента. Кто-то вежливым шепотом предупреждает меня, что приглашать даму на танец на этом балу я могу не более двух раз подряд. Приглашая в третий раз, согласно великосветским правилам, я обязан сделать ей предложение руки и сердца, иначе мне грозит отлучение от высшего аристократического общества, и даже возможен вызов на дуэль от её родственников, поскольку я поставлю девушку в сомнительное положение. Выпрямив спину, скольльзящим шагом подхожу к стайке беседующих дам и, согласно придворному этикету, вначале кланяюсь самой старшей из них. Затем делаю поклон выбранной мною очаровательной девушке и приглашаю её на мазурку, протягивая правую руку от пояса

слева-направо и вверх. Юная дама делает книксен, слегка приседая, и лёгким наклоном головы выражает своё согласие. Гремит оркестр, пылают свечи, кружатся пары в танце.

Боже мой! Что за чудесный сон, что за прекрасное виденье? Вокруг меня элегантные дамы, блистательные гвардейские офицеры в мундирах с эполетами и аксельбантами.

Нет, уважаемый читатель, ты ошибаешься! Я в здравом уме и трезвой памяти. Это абсолютно реальное видение. Просто, сейчас я снимаюсь в новом многосерийном фильме Карена Шахназарова «Анна Каренина». Мне выпал счастливый жребий. Пройдя многолюдный кастинг и, будучи отобранным в группу гостей бала, я осуществил своё тайное желание и проник сквозь слои десятилетий в тот самый желанный 19-й век.

Съёмки на «Мосфильме» продолжают несколько дней, и мы вживаемся в роли царских чиновников, графов и графинь, княгинь и князей, впитывая и перенимая стиль неспешных бесед и величавых манер. Нас предупреждают, что лица отражают содержание беседы, и потому не рекомендуют обсуждать проблемы отечественного футбола или современной политики, а советуют вести разговоры об охоте и скачках, балах и аристократических приёмах. Мы входим в роль светских бездельников и ведём непринужденные лёгкие диалоги.

Когда, разгримировавшись после съёмок, мы расстаемся со своим полюбившимся обликом, переодеваясь в костюмерной и напяливая на себя привычные джинсы, майки, куртки и кроссовки, мы уже не узнаём друг друга и, с глубоким сожалением, обнаруживаем своё возвращение в современный, упрощённый мир. Мы немного растеряны и, как спросты, протираем глаза, вернувшись в хорошо знакомую реальность.

Сказка закончилась. Здравствуй, мир гаджетов, компьютеров, телевизоров, самолётов и космических кораблей!

Птичка

Павлик, притоптывая ногами по хрустящему снегу, бежал к своему дому. В вечерней звенящей тишине всё более свирепел сильный январский мороз. Пустынная улица была покрыта по обеим сторонам громадными сугробами. Вдруг впереди, прямо перед ним, упала в сугроб красивая маленькая птичка, красным пятнышком застрявшая в белом снегу. Павлик нагнулся к ней. Это был красивый снегирь, который, едва шевельнув крылом, неподвижно застыл. Павлик коснулся его

пальцем, снегирь не шевелился. «Господи, да он же совсем замёрз!» — поразился Павлик. Он аккуратно взял птичку в руки, будто хотел слепить снежок и дыхнул в них, пытаясь согреть свой пернатый «снежок» тёплым воздухом. Ему показалось, что снегирь снова шевельнулся и коснулся клювом его раскрытых ладоней. Но мороз очень сковывал и жёг его руки. Павлик ещё быстрее помчался к своему дому, изредка разводя пальцы и дыша в свои сомкнутые ладони, чтобы туда попадал воздух и птичка не задохнулась, и немножко согрелась. Подбежав к дверям своего дома, и взлетев по ступенькам на крыльцо, он стал плечом сильно толкать закрытую дверь, боясь разомкнуть руки, в которых уже начала шевелиться спасенная им птичка. Плечо заболело от беспрерывных ударов о дверь, руки жгло и сводило от мороза, и Павлик был в отчаянии от своего бессилия и страха заморозить снегирия. У него ломило плечо, болела от напряжения шея, но дверь никак не поддавалась. Павлик с усилием повернулся и, зажмурившись и стиснув зубы, плотно опершись на дверь, стал толкать её спиной.

И тут у него неожиданно приоткрылись глаза. Он лежал наискосок в своей постели, туго замотанный в одеяло и зарывшись головой под подушку, а его стиснутые ладони были до боли сжаты, будто он хотел слепить плотный снежок. Он всё ещё боялся разжать ладони, ведь птичка могла выскользнуть из его рук и упасть на стылую землю, превратившись в застывший яркий комочек. Солнечный утренний луч косо пробивался сквозь плотные оконные шторы, высвечивая полоску обоев и отражаясь ярким бликом на циферблате настенных часов. Было жарко и душно в его городской квартире на восьмом этаже.

Кака така любовь?

* Ожидая своего рейса, потягиваю кофе из чашечки в кафе Симферопольского аэропорта. Напротив меня, через столик, на длинном диване, развалившись, сидит молодой долговязый парень. У него на коленях симпатичная юная девушка. Приникнув к парню, обнимает его за шею и нежно и непрерывно целует его в щеку. Парень, отвернувшись, сосредоточенно роется в смартфоне. Проходит 10-15 минут, ничего не меняется. Допивая кофе, я понимаю, что на моих глазах растёт и формируется новое, на редкость воздержанное, цифровое поколение!

Разные каши

Две старушки завтракают утром за одним столом в крымском санатории. Официантка подвозит на тележке завтрак и накладывает им из кастрюльки овсяную кашу. Бабушки принимаются за еду, и одна из них вдруг морщится, отодвигая тарелку: «Какая каша сегодня невкусная!» Другая, облизывая ложку, с удивлением смотрит на соседку и на кашу: «А у меня сегодня вкусная!»

Ночь вдвоём

В коридоре районной поликлиники, девушка ожидающая очереди в кабинет врача, делится впечатлениями с пожилой женщиной, сидящей рядом,

* — Сегодня всю ночь провела с холтером!

— Ну, и как?

— Это нечто! Испытала огромное облегчение, когда утром его с меня сняли.

Диалог в пустыне

Везу московскую тур. группу из Самарканда в Бухару. За окнами автобуса серая зимняя пустыня. Впереди больше 200 километров пути. Два местных водителя, Улугбек и Серёжа, меняя друг друга, должны отвезти нас в загадочную и романтическую Бухару и привезти обратно. Сейчас за рулём светловолосый Серёжа. Сижу, как и положено, впереди, а рядом со мной маленький и очень смуглый Улугбек. Вполголоса серьёзно объясняет мне: «Я настоящий узбек, а Серёжа пополам — мать русская, а отец узбек!» Серёжа, услышав, и не отрываясь от дороги: «Улугбек у нас узбек пополам с негром!» После короткой и на-

пряженной паузы оба неожиданно смеются.

Надо гладить!

В полупустом московском автобусе две бабушки оживленно обсуждают что-то между собой. Вдруг одна из них,

— Нет, я бельё погладила. Мама меня с детства приучала. Говорила, если не погладишь, будешь бедной. С тех пор всё и глажу!

— Ну и как, разбогатела?

— Да, нет. Глажу, глажу, но так ничего и не нажила.

Раннее развитие

Молодая мама тянет за руку по улице малыша лет трёх. Малыш сопротивляется, шмыгает носом, капризничает и хнычет. Мамаша, останавливаясь, строго грозит ему пальцем: «Будь адекватным! Сколько раз тебе это объяснять!»

Вечерний Батуми

Зима 1989 года. Сопровождаю туристов из Москвы на отдых в Аджарию. Поздним вечером приземляемся в аэропорту города Батуми. По трапу спускаемся на лётное поле и выходим мимо ярко освещенного здания аэропорта на площадь, где нас ожидает автобус. Я прошу водителя подождать, пока я отмечу наше прибытие и зарегистрирую билеты на обратный рейс. Вхожу в открытые двери здания под перезвон телефонных звонков, пытаюсь найти дежурного администратора. Заглядываю в одну комнату, другую, третью... Везде открыты двери, горит свет, звонят телефоны, но не нахожу ни одного человека в комнатах на первом этаже и поднимаюсь на второй этаж. Там, та же картина. Открыты двери, включен свет, звонят телефоны. И нет никого!

Растерянный, выхожу из здания и подхожу к водителю,

— Что случилось у вас? Всё открыто и нет ни одного живого человека. Может у вас здесь нейтронная бомба упала?

— Слушай, ты что не понимаешь!?! — взрывается водитель и тыкает пальцем в свои наручные часы, — Пятница сегодня! Поздно уже! Люди отдыхать должны!

«Ромэли Саати»

Едем с тур. группой из Тбилиси в столицу Кахетии Телави. Вдоль до-

роги, справа и слева, указатели с названиями деревень или поселений — «Карданахи», «Гуджаани», «Вазисубани», «Цинандали», «Напереу-
*ли»... Таращим глаза от удивления. Каждая деревня — сорт винограда и марка вина! Все начинают восхищаться, острить и фантазировать.
— Вот это край! А если бы у нас были деревни: «Зубровка», «Старка», «Перцовка»!

В Телави, разместившись в гостинице, выхожу вечером погулять по городу. На углу жилого дома стоит группа молодых людей. Прохожу мимо и слышу громкий возглас-вопрос, обращенный ко мне,
— Ромэли Саати?

На меня обращены несколько пар ожидающих глаз. Я растерянно пожимаю плечами и развожу руками, показывая, что не понимаю вопроса. Парни недоуменно смотрят на меня, а я иду дальше. Но у следующего дома тоже стоят молодые грузины, и я слышу уже знакомый вопрос:
* «Ромэли Саати?» Покачав головой из стороны в сторону и разведя руками, перехожу улицу и заворачиваю за угол. Но у очередного дома опять стоит кучка ребят, и они обращаются ко мне с тем же вопросом. Окончательно потеряв уверенность, решаю возвратиться в гостиницу.

Когда на следующий день на местном рынке, выбрав банку Мацони, пытаюсь выяснить цену, вижу растерянные лица продавцов. Никто не понимает по-русски. Посовещавшись между собой, они разыскивают и приводят парня, знающего немного русский язык. Он выслушивает меня и отвечает коротко и ёмко: «Адын руб!» Таким образом, в языко-
* вом соревновании с жителями Телави добывается боевая ничья.

Вернувшись в Москву, навещаю свою бабушку, наполовину грузинку. Делюсь впечатлениями от поездки и интересуюсь, что хотели от меня эти молодые телавские парни? Бабушка смеётся: «Они спрашивали у тебя — Который сейчас час?»

Музыкальное выступление 3

Музыкальный сюрприз

Побывать в Венгрии и не услышать музыку Ференца Листа — то же самое, что, бывая в России, не услышать «Калинку-малинку» или «Ба-
* рыню». Когда делегация московских комсомольцев в 1978 году приехала в город Сексард на юге Венгрии, то в программе знакомства с городом, конечно, значилась экскурсия в дом композитора, в котором он прожил довольно продолжительное время и где написал свою по-

следную рапсодию.

У входа в дом нас встретил элегантный седой старичок во фраке и с неподдельным восторгом начал посвящать нас в историю жизни и творчества знаменитого композитора. На втором этаже дома в просторной комнате была музыкальная студия. Вдоль длинного стола с двух сторон стояли стулья, а напротив каждого места на столе были установлены стоечки с наушниками. В стороне у стены за пультом сидел оператор в наушниках, молодой улыбчивый парень с озорной физиономией. Мы расселись за столом и почтенный старичок с аккуратно подстриженной седой бородкой, смотритель и главный экскурсовод музея, с упоением продолжил своё заочное объяснение в любви к кумиру венгерской классической музыки. Выслушав перевод нашего гида, хрупкой и очень серьёзной Эрики, мы, надев на голову большие акустические наушники, приготовились погрузиться в мир симфонических мелодий. Старичок поднимает руку, обозначая торжественность момента, и взмахивает ею, давая сигнал оператору. В наушниках звучит громкий чистый акустический аккорд. Но что это? В наушниках хорошо нам знакомая битловская «Лэт ит би»! Поднимаю голову и вижу радостные и восхищенные лица своих товарищей по поездке. Они улыбаются и раскачиваются в такт мелодии, начинают оглядываться на оператора. Он тоже улыбается и подмигивает нам. Старичок увидев, что гости довольны услышанной музыкой, тоже удовлетворенно улыбается, кивая нам головой. Битловские мелодии звучат одна за другой, и мы с восхищением слушаем этот, любезно предоставленный нам озорным оператором, концерт.

Минут через 30 оператор выключает звук, и мы снимаем наушники.

Пожилый экскурсовод говорит заключительные слова о гениальности любимого Листа и мы, делая серьёзные лица и раскланиваясь, благодарим его за знакомство с творчеством композитора и спешим выйти на улицу. Завернув за угол, мы не выдерживаем и разражаемся хохотом под недоуменные взгляды нашей Эрики. Когда мы, хохоча, рассказываем ей о нашем музыкальном приключении, она строго и осуждающе качает головой и называет нас «Шантрапой».

Французская любовь

На бульваре Монпарнас, в центре Парижа, на тротуаре возле дверей кафе у стены лежит на боку и спит пьяный толстый бородатый клошар.

Поскольку это уже не первая встреча с парижским бомжом, то мы с женой удивляемся почти равнодушно. Но сейчас нас поражает иное. Пара *грязных ботинок стоит рядом с лежащим, а на его разутых ногах стерильно чистые белые носки. Перед его лохматой головой на тротуаре стоит фирменный поднос заведения, а на нём тарелка с половиной багета, батона разрезанного вдоль, с выглядывающими из него кусочками ветчины, сыра и листиками зеленого салата. Рядом пластиковая миска с нарезанными помидорами, стопка белых салфеток с уложенными на них вилкой и ножом и тут же возвышается бутылка «Бордо» с половиной уже отпитого вина. Пару минут мы, переговариваясь, восхищаемся необычной для наших глаз картиной, оценивая нежное и заботливое отношение и любовь работников французского общепита к бездомным бродягам.

Борода как помеха...

В подмосковном санатории спускаюсь в очередной раз по длинной пологой лестнице в процедурное отделение. Внизу, обступив стол старшей медсестры, что-то бурно обсуждают несколько медсестер, уборщиц и сотрудниц отделения в белых халатах. Завидев меня, они затишают и расходятся. Сажусь на кушетку возле стола, привычно положив на него санаторную книжку, ожидая вызова на процедуры. Пожилая медсестра внимательно и строго рассматривает меня:

— Извините, пожалуйста, можно Вас спросить? Мы тут сейчас спорили...

— Да, конечно!

— Скажите, вот когда Вы целуетесь, Ваша борода колется?

Подавляя смех, пожимаю плечами:

— Не знаю, я давно не целовался...

— Ой, да ладно! — недоверчиво ворчит женщина, — А ну, девочки, по местам! Работать, работать!

В поисках родины

Сегодня, когда безжалостные и агрессивные в своих рассуждениях *молодые люди пренебрежительно и беспрестанно называют в интернете Россию «рашкой», я не столько возмущаюсь, сколько огорчаюсь и задумываюсь... Как же так?!

Ребята, ведь самая главная Родина для нас — это мать. Матери бы-

вают разными... добрыми и ласковыми, суровыми и даже злыми, богатыми и щедрыми, беспечными и бедными. Но как можно не любить её — давшую тебе жизнь?! Из своей плоти и крови создавшую тебя. Как можно поменять её на другую? Мать — наша главная и самая маленькая Родина, в доме которой ты и родился.

Есть у нас и мини-родина — это наш дом, где каждый из нас, взрослея, становится в нём президентом, премьер-министром и министром обороны. Есть и малая Родина — деревня, посёлок, район, где мы проживаем. Моя малая Родина — мой район с арбатскими переулками, Пречистенкой, Волхонкой, Плющихой и Новодевичьим монастырём. Родина побольше — это, конечно, моя любимая Москва — город, где я родился и вырос, с его бульварами, площадями, парками, Кремлём и Садовым кольцом. Ну, а самая настоящая, большая Родина — это Россия, которую я когда-то исколесил вдоль и поперёк, повидав Пензу и Астрахань, Вологду и Петрозаводск, Ульяновск и Волгоград, Ярославль и Кострому, Тулу и Тверь, Новгород и Псков, Чебоксары и Казань...

Раньше моя Родина была намного больше, когда в неё входила, нервная ныне, Украина, высокомерная Прибалтика, терпеливая Белоруссия, гостеприимная Грузия, трудолюбивая Армения, загадочный и ароматный Узбекистан. А, поглядывая тёплыми летними вечерами на медленно проплывающую по звёздному небу желтую луну, я задумываюсь: как же всё относительно?! Потому что если спросят меня когда-нибудь жители других планет: «Где твоя родина, сынок?» — Я гордо отвечу им: «Моя родина — Планета Земля!»

Лес рубят — щепки летят

В самом начале армейской службы я получил жестокий урок, который не забывается уже долгих 50 лет. Искренность и наивная доверчивость тогда получили пробоину, залатать какую не удастся до сих пор.

Декабрь 1966 года. Кончается первый месяц службы — карантин, когда молодые солдаты-призывники завершают знакомство с порядком, уставом и режимом в армии. На улице лютая стужа, морозы под 30 градусов. Офицеры-ракетчики нашей части квартируют с семьями и детьми в небольших деревянных домиках с печным отоплением. Срочно нужны дрова. Нашему московскому взводу предстоит помочь своим командирам. После завтрака нам выдают сухой паёк на день — полбуханки чёрного хлеба, шмат сала и луковицу. Получаем у старши-

ны рукавицы, валенки, телогрейки и ватные штаны. Сверху — шинель. Утеплившись, рассаживаемся на лавочки в кузовах грузовиков и отправляемся в глухой костромской лес, которого вокруг города с избытком. В лесу, на заранее выбранной делянке, спрыгиваем в глубокий снег, разбираем топоры и двуручные пилы. Нам коротко объясняют, как правильно пилить и подрубать деревья, как валить их и куда отходить в сторону от падающего ствола. Во взводе молодые ребята-москвичи, и опыта в лесоповале ни у кого нет. Но сообразительность и ловкость вырывают. Быстро приспособливаемся, и высокие сосны падают одна за другой. Затем обрубает сучья, распиливаем стволы на куски длиной по 4-5 метров и грузим на прицепы. Дни стоят короткие, и вскоре начинает темнеть. Мы сгребаем срубленные сучья в огромную кучу и зажигаем костёр. Раскатав несколько бревен вокруг костра, рассаживаемся на них и достаём пакеты с сухим пайком. После тяжелой и малознакомой работы на морозе приятно собраться у жаркого пламени. Романтическое настроение овладевает нами. Треск костра, блики огня на лицах, растекающееся по телу тепло рождает воспоминания о прежней гражданской жизни, расслабляют и располагают к лирической откровенности.

Командир нашей батареи, капитан Гайдуков, сидит вместе с нами, ест тот же паёк, что и мы, и кажется нам сейчас родным и близким человеком, старшим товарищем, почти отцом родным. Говорим свободно обо всём, не стесняясь. И вот, капитан, по-отечески ласково улыбаясь, крадчиво спрашивает: «Ну, что, ребятки, не тяжело вам даётся начало службы?» Ребята молчат, улыбаясь, и только меня «чёрт дёргает за язык». Отогретый и расслабленный неуставной обстановкой, я откликаюсь: «Да нормально, товарищ капитан! Привыкли уже... До службы нас пугали, что карантин — самый тяжелый период в армии. Ничего, терпимо!» «Ну, молодцы!» — похвалил капитан.

На следующий день в учебный класс, где проходят политзанятия, врывается сержант, зам. командира нашего взвода, с пунцовым от злости лицом: «Кто это вчера сказал командиру батареи, что ему служить легко?» И тут я совершаю, по армейским понятиям, вторую грубую ошибку. Встаю и честно признаюсь, что это я. Лицо сержанта багровеет: «Меня вызывал капитан! Теперь ты узнаешь у меня, что такое настоящая служба!» Ни мои объяснения, ни извинения, ни беседы «по душам» не помогли мне избежать впоследствии преследования сержан-

та в оставшееся время службы. И я в полной мере испытал свирепость наказанного за либерализм своего непосредственного командира, получив суровый урок на всю последующую жизнь, хотя азы лицемерия так и не смог усвоить. Но недаром ведь говорят, что «армия — школа жизни».

Столица Непала

Иду по парку вдоль Новодевичьих прудов. Приближаюсь к знаменитым бронзовым уточкам. Навстречу мне — радостная, чуть поддатая, а может и «уколотая», молодая женщина в джинсах, чёрной майке с крупной белой надписью на груди «DANGER» (опасность), в бейсболке козырьком набок. Весело спрашивает меня: «Скажите, как называется столица Англии?» Задумываюсь и, подыгрывая её весёлому настроению, отвечаю: «Париж!»

— «Ах – ха – ха!!! Это же во Франции!»

Смотрю внимательно на небо, наморщив лоб: «Ну, тогда Мадрид!»

— «Ха – ха – ха! Он сказал Мадрид!» — обращается она к своему партнеру, вальяжно развалившемуся на лавочке.

Иду по аллее в дальний уголок парка, гуляю, затем возвращаюсь. Навстречу опять знакомая парочка. Девушка, завидев меня, подбегает: «Вы не могли бы дать нам 13 рублей?»

— «Хмм... Дам, если Вы назовете столицу Непала!»

Девушка с надеждой смотрит на партнёра. Тот, нахмутив брови, важно рассуждает, пытаясь блеснуть эрудицией: «Раньше вот называлось «Берег Слоновой Кости», а теперь «Кот-д' Ивуар!»

— «Ага, ну а столица Непала?»

— «Ну, давай, давай!» — торопит его девушка. Мужчина молчит.

— «Вам не повезло, сегодня не ваш день!» — ехидничаю я.

— «А какая столица?» — теревит меня незнакомка. Выдержав паузу, отвечаю: «Катманду!»

— «Ах – ха – ха!!! Он сказал Катманду!» — заливается смехом девушка, и парочка, обнявшись, удаляется от меня, так и не получив гонорара.

Маргарита Соснова

* * *

Неужто скоро — Новый год?!
 Дышать и жить — уже победа,
 Дай Бог, чтоб не было невзгод.
 И были б мирными беседы!
 Фортуна чтобы помогала,
 Среда была бы благосклонной
 Начальство тоже... не клевало,
 Чтоб... вдохновенье — неуклонно.
 На новый год всегда надежда:
 А вдруг случится волшебство?
 Исчезнут все враги, невежды,
 В почете станет мастерство...
 И сбудутся мечты и планы
 Здоровье крепче у родных,
 Вокруг — лишь гении, титаны,
 Мечта — учиться у таких!
 Войдет в привычку доброта,
 А зло и зависть сгинут в даль.
 И воцарятся Красота
 И Правда... Это — сон? А жаль.

* * *

«О счастье мы всегда лишь вспоминаем...»

И.А.Бунин

О радости не стоит размышлять.
 Она накроет дерзко и спонтанно,
 Чтоб вдохновить, утешив, окрылять,
 Даря сокровища надежды неустанно.
 У радости немалая родня:
 Ей бодрость и веселость — сестры, братья.
 И без творенья не живет ни дня,
 И умиление — с близкими объятья!
 Улыбка, шутка, рядом, наготове,
 Не забывай о них, лети навстречу.

Приманишь радость нежностью, любовью, —
Ведь жизнь... она, как космос, бесконечна!

Настоящие люди

Кто с детства видит главные задачи,
Тот вытащит себя из всех «болот»,
И лишь от музыки и красоты заплачет,
В его душе и стержень и оплот.
Он с Небесами, верный соратник,
По совести старается служить.
Искатель истины, за ней «охотник»,
А ближнего — заботой окружить.
Пусть кто-то скажет: «Зряшные старанья,
Исчезнут вскоре, превратятся в прах!».
Он жил, творил! И это — основанье
Его величия. Летел на всех парах!

* * *

«Счастье никого не поджидает»[],*
За труды, бывает, наградит,
Как снежинка, капелькой растает
И — тебя в ребенка превратит.
Радостно живут, душой невинны,
Не гоняются за златом с кошельком,
И щедры, чисты, любвеобильны.
Ты с такими, может быть, знаком?
Есть в таланте черточка такая:
Не умеет равнодушным быть.
Он живет, грехам не потакая,
Свет, хоть вопреки,... в душе хранит.

[*] И.Ильф, Е.Петров

* * *

Хочу восславить «ликованье» —
Да, слово, а за ним и чувство.
Жаль, редкость — повод, основанье,

*
 Печаль и грусть — предмет искусства.
 Ликуем, если победили,
 Преодолели перевал,
 Идею блага породили, —
 В душе салюты, праздник, бал!
 В любви бывает ликование.
 Когда она взаимна, счастье.
 Но если разочарованье,
 Так на душе ненастье.
 Бывает пошлым ликование,
 Коль радость бурно, напоказ
 Для выгод, самолюбования,
 Фальшивки-блестки — в нужный час.
 А искренне ликует тот,
 Кто служит бескорыстно, честно.
 Энтузиазмом жив народ,
 Труды и подвиги — уместны!

* * *

*«О человеке нужно судить по его мечтам (...)
 Замысел человека – это самое точное его, человека,
 отражение. А на результате лежит проклятие
 реальности»*

Е. Водолазкин (из романа «Чагин»)

*
 «Проклятие реальности»
 Полет мечты сразит.
 Идея из «банальности»
 Рождает свой визит.
 «Проклятие реальности»
 Напомнит о нужде,
 О боли и провальности,
 Что свалятся в беде.
 «Проклятие реальности»
 Напомнит о войне,
 О подвигах сакральности...
 А кто-то на волне

Катается беспечно,
Забыв чужую боль.
Так суждено извечно:
По совести — и роль.

* * *

Стишок... как сути корешок,
Чтоб возвращать одно мгновенье
Судьбы и жизни — на вершок...
Зачем? — для упоенья!
Хотелось бы достичь покоя
Веселости и прочее...
Но время всякое — лихое,
О том нет слов... отточие.
У жизни просим мы прощенья:
Не часто возблагодарим
За уникальность посещения,
За опыт, милость просвещения,
За жизнь в России (третий Рим!).
Рождайся, мой стишок-дружок,
Как зеркальце в один глазок,
Для новых смыслов и радений,
С природой — зановорождений!

Загадка

Оно и ты — родня. Учти...
Вы связаны незримой нитью,
Скрестились тропки на пути,
Судьба вела к открытию.
Два имени его с твоим
Теперь неразделимы.
Ты с той поры не аноним,
Знак, временем хранимый.
Ты догадался: что — Оно?
Кому-то в нем — спасение,

Кому-то в будущее окно...
Зовут его ... (Творение).

Музыкальное выступление 4

* * *

Нам Будда мудрость передал:
Настрой — на состраданье!
Еще на созерцание,
Добру поклон воздал:
«Забудь про «Я» излишнее
В заботе о других.
Любуясь цветом вишневым,
Беги от дум лихих.
Не стоит близко слишком
Беду воспринимать.
Стремясь к деянью высшему
Спеша не брать, давать!
От лени, беспокойства, сомнений убегай!
Запомни: в добром сердце, в душе, как солнце, — Рай!»

* * *

И вот — в Кремле опять...
Скучаю по нему.
Той связи не ронять —
По сердцу и уму.
Покинешь суету,
И — обнажится суть,
Из детства чистоту
Не лишнее — вернуть.
Здесь место для отчета,
Чтоб совесть говорила:
К чему твои полёты?
Чего ждала, молила?
Незримо по дороге
Идешь, судьбы не зная.

Надеешься, что боги
 Ведут путями рая.
 Для русского — святыни:
 Россия, Кремль, Москва.
 В душе коль не пустыня
 И с думой голова.

* * *

«Покой нам только снится»

А.Блок

В русской душеньке юность — вечная,
 Не состарится, не скукожится,
 Воля-волюшка — молодечная,
 Как — неведомо — судьба сложится.
 Без расчета дни и часы летят,
 Не копейкою личность мерится,
 Если враг напал, соберем ребят,
 В силе-силушке враг уверится.
 Жертва воинов не напрасная,
 Тыщу лет Руси и еще стоять!
 В сердце Родины — площадь Красная,
 Даже взором Русь не объять!

* * *

В главной роли была не однажды, над сценой парила,
 И девчонкой бежала по снегу скрипучему ночью.
 Опиралась в Стамбуле на башни Галата перила,
 Обмирая: а жизнь-то разорвана в клочья.
 И пыталась увлечь за собой молодую ватагу,
 Хоть наивна была, не раскаюсь, и нет в том ошибки...
 Подменяла, как воин, опасность на пыл и отвагу,
 И слабела душой от любимой улыбки.
 Жизни вечность откроют любовь, материнство,
 Но бывает, «чужие» заглянут в глаза и промолвят: «Спасибо»!
 Я бросала богему пустую и чушь каботинства,
 В темень шахты спускалась, узнала дороги Турксиба.
 Примиряла творений пути в их волшебные сферы,

*
 Меж Наукой, Искусством пока что немного дорог.
 Еретик получает в награду удары сверх меры,
 Пусть и так, все равно с Леонардо счастлив диалог.
 Но судьба — это тайна, летает в ней птица-Фортуна,
 Всё уложится странно узором своим, уникальным.
 Если женщина ты, королева, у Муз хлопотунья,
 Красок жизни добавишь и делом, и сердцем, — буквально!

* * *

И пронзает всё стих, словно нож,
 И не знаешь, то радость иль боль...
 Только опыт да память — крепёж,
 Честно выстрадай их и глаголь.
 Вырви стих из болящей груди,
 Начерти на незримой стене.
 Прерываются где-то пути
 И судьба по «ничейной» вине.
 Стих шампуром нанижет всё-всё,
 А читатель вертит на огне,
 Проверая на вкус и чутьё,
 Автор грезит или во сне?
 «Коль не можешь так жить, не живи»,
 А не можешь без строчек, так что ж
 Небеса (не толпу) удиви,
 Пригодится кому-то крепёж.
 Биография — кладка судьбы,
 В ней события — узоры и щель.
 Черета то боев, то борьбы...
 Полюбуйся: красивая ель!

* * *

Елене Ткачевской

*
 О, русских разговоров прелесть...
 Вопросов вечных длинный перебор,
 Где души нараспашку — ересь,
 Железо догмы отвергает взор.

В идеях, взглядах масса совпадений —
Такая редкость, что на диво просто.
Нам встреча обещает обновленье,
Но только тем, кто вечно жаждет роста!

* * *

Какая неделя! Бывает же так:
Искусство, Наука, друзья и кумиры...
Волшебная сказка, ни стычек, ни драк,
Мелодии жизни и пламенной лиры.
Находки мыслителей, ритмов звучанье
И собственный голос судьбы и души, -
И ты замирая, не дышишь, в молчании
От невыразимого счастья в тиши.
Любимое, личное — из глубины,
Из давних и близких времен и видений,
Пусть непонятное — со стороны...
Твоё корневое... миг благоговения!

* * *

Посвящается композитору Ольге Кузьмичёвой

Муза, музыка, музыкально!
Музо-нежно, музо-астрально...
Музой верчены,
Музой перчены,
Музой мечены,
Музой встречены,
Музой солонь, околдованы
И — привечены, облюбваны.
Музой сдвинуты и низринуты,
Музы дочери и сыны,
С Музой в Вечности — диво, сны!

Музыкальное выступление 5

* Я люблю провожать поезда

Я люблю провожать поезда,
И особенно в жгучую снежность:
Гложет необъяснимая нежность,
Словно еду в родные места!
Я люблю провожать поезда.
Звон прощальных приветствий и шум,
Голос диктора медно-взволнованный, -
Всё рождает движение дум,
Удивляет мой ум избалованный.
Я хочу убежать от себя,
Раствориться в потоке явлений.
Там, где зимние струи дождя,
Сплав отваги и горечь сомнений.
Можно быстро уехать, уйти,
Поменять и фамилию можно...
От себя убежать невозможно,
Даже если открыты пути.

* Ворона в ночи

Кричит ворона ночи,
Стучит в моё окно.
А что она пророчит,
Мне ведать не дано.
Стекло я занавешу,
Зажгу фитиль свечи,
Открою книгу — грешен,
Люблю читать в ночи.
И пусть бушует темень
И рвётся на куски.
Я убиваю время,
Спасаясь от тоски.
Вгрызаюсь смело в чтиво,

Вдыхаю пыль страниц -
И на душе красиво
От книжных небылиц.

Бабушкина сказка

Я помню бабушкину сказку:
«Чтоб защититься от чертей,
На кончик носа без опаски
Предмет какой-нибудь пришей!»
Я выбрал пуговицу. Боже,
Пришил навечно — и теперь
Я верю, что она поможет
От злых чертей. И ты поверь!
Давно ношу я метку эту.
Сношу сплошных издёвок свет.
У вас подобной штуки нету?
Тогда — привет!

Разломил Луну

Я разломил надвое Луну.
Половину
Забросил обратно на небо,
А другую — взял себе,
На память.
Хочется иметь что-то
Экологически чистое.

Утреннее

На ладонях утро.
На его, бери!
Розовое утро
Гасит фонари.
Утоляет жажду
Проблеском луча.

На ладонях утро —
Тёплая свеча.
Зачинатель жизни
И людей, и дня.
На ладонях утро —
Зёрнышко огня.
Радостные мысли,
Чёрточки строки...
Розового утра
Тлеют угольки.

Полунамёки

Полунамёки,
Полувздохи,
Видений призрачных мазки.
Я собираю эти крохи —
И вновь рождаются стихи.
Да, жизнь — прекрасная злодейка,
В ней много солнца,
Много мглы.
Импрессион,
Не пожалей-ка
Своей сверкающей иглы!

Птица

Я пою себе как птица,
На меня управы нет.
А случится, не случится
Мой стишок —
Есть в том секрет.
Ничего не сочиняю,
С неба падают слова.
Их я только поднимаю
И свиваю в кружева.

Карман

У меня в кармане лето:
Горсть прибрежного песка,
Много яростного света,
Мелководная река.
У меня в кармане осень:
Наземь брошенный листок,
Ватой штопанная просинь,
Скучный дождика поток.
У меня зима в кармане
И метелей кутерьма:
В меховом сижу капкане,
По теплу схожу с ума.
А весне в кармане тесно...

На часах резвятся черти

На часах резвятся черти,
Стрелки чёрные грызут.
От рожденья и до смерти
Жить как хочешь не дают.
Сеют смуту, ложь, раздоры,
Рушат храмы, а потом
В нежных душах роют норы,
Где хранят металлолом.

Храни меня

Храни меня от шуток дикарей,
От злого глаза и упадка нравов.
Храни от стычки жёсткой и кровавой
И от ошибок разных там судей.
Храни меня от глупостей моих,
От нелюбви к Отечеству и славе,
Невдохновенья и друзей лихих
И от возможности прослыть неправым.

Храни от охлаждения жены
И от стихов никчемных и бездарных.
Храни от слухов вредных и базарных,
От нелюбви моей родной страны.
Храни меня, Вселенская судьба.
Храни же непокорного раба!

* * *

«Мои года — моё богатство.»

Р. Рождественский

Мои года — богатство?
Нет!
Всесилье кандалов.
Уж дотлевают жизни свет,
И невелик улов.
Мои года — богатство?
Брось!
Не нужно никому.
Ещё немного - и откос,
И полечу во тьму.
Всё улечитися, как дым:
Надежды и дела.
Я был бы вечно молодым,
Но старость не дала!

* * *

«По реке плывёт кораблик.»

Д. Хармс

По реке плывёт кораблик
Из газеты. Вот те на!...
Замечательный кораблик
Под названием «Весна».
И вода журчит как надо,
И дождец всюду идёт.
По воде плывёт кораблик,
Словно лебедя полёт!

* * *

Памяти Даниила Хармса

Когда над миром цепенеет
Скоропостижная луна,
Душа от радости шалеет,
И зелень пламенем полна;
Когда над лесом сизокрылым
Восходит горечь облаков
И колобродит дождь унылый
Без лишних и ненужных слов, —
Тогда в грязи миров роятся
Стозвонных чисел города...
Я улетаю в космос, братцы,
Чтоб не вернуться никогда.

* * *

Стремятся к вам мои мечты
В неясный шорох темноты.
Не спится в этот поздний час,
Я снова думаю о вас.
Вы так прекрасны и горды,
Как водопад живой воды,
И ослепительно нежны, -
Но мне, признаться, не нужны!

* * *

Моей жене

Нынче небо цвета мыши,
Скучной серости рассказ.
Шепчет вечер: «Тише, тише...»,
Обдувая щедро нас.
На метле летим с тобою,
Оба трезвы и наги.
Где-то шабаш за горою, —
Надоели бардаки.
Нам с тобой туда не надо:
Нету истины в вине.

Мы летим в тенистость сада,
Чтоб побыть наедине!

Любимой

У меня луна в сметане,
Звёзды в собственном соку,
Ветер мчится на свиданье,
К нам летит на всём скаку.
Пятна зелени щебечут
Средь ночной не маюты.
Хорошо природа лечит,
А ещё прекрасней, ты!

Украли сердце

У меня украли сердце.
Где — не знаю, не заметил.
И живу пока безбедно,
И не жалуясь совсем.
И не злюсь, и не волнуюсь.
Жизнь спокойная, как в морге.
Стороной обходят люди, —
Мне ж, признаться, наплевать.
Иногда, но чаще ночью,
Боль в груди, немного слева.
Может, сердце существует,
И никто не воровал?

Шиза

Выплывает, словно день,
Яркий мой стихотворень.
Я ликую, Боже мой:
У меня талант большой.
И читаю всем подряд
Перлов ненаглядный ряд.

Улыбаются кругом, —
Внёс я радость в каждый дом.
Но душа моя болит:
Если я такой пиит,
Почему в родной стране
Нету памятника мне?

* * *

Я всегда мечтал быть
Серебряным колокольчиком
И звенеть
Нежно и протяжно,
Созывая людей
На важные мероприятия.
И вдруг я стал им,
Но чья-то волосатая рука
Спрятала меня
В шкатулку.
Вот и лежу
Без дела.
А так хотелось
Быть полезным.

Музыка

Играет скрипка, исторгая
Волшебно-чувственный мотив.
И эта музыка святая
Тревожит, душу захватив.
Играет скрипка. Жизнь проходит.
Она не выпита до дна.
Душа в волненьи где-то бродит.
А чья вина?
Ничья вина.

Музыкальное выступление 6

Недоделанное время

*
Я в недоделанное время,
Мои хорошие живу,
Ношу в себе эпохи бремя,
Безумцем радостным слыву.
Пишу верлибры и сонеты,
Русь порицаю, очень злясь,
А вы даёте мне советы
Не потерять с народом связь.
Я не теряю.
О мой Боже!..
Но лира нынче не в чести.
Эпоха бьёт меня по роже
И шепчет ласково: «Прости».

* * *

Памяти поэта и учителя Кирилла Ковальджи

*«Но творчество ревнивей, чем Отелло»
К. Ковальджи*

*
Попалась мне муза — зануда,
И понял я, что на крючке.
Боюсь, как бы ни было худо,
Хочу с авторучкой в руке.
Однажды забыл эту штуку
И думал о чём-то своём,
А муза — такая подлюка,
Прошла незамеченной в дом.
Я был на концерте, где мило
Поэты читали своё,
А муза в квартире творила
Такое, ну ё же моё.
Потом столько выгреб навозу,
Что книге рекордов подстать.
Я бросил поэзию, прозу,
Совсем отказался писать.

*
*

Купил на толкучке базуку,
Пошёл я на музу войной...
Кто видел крылатую суку,
Прошу вас, свяжитесь со мной!

* * *

Музы съехались на бал,
И моя танцует где-то,
А судья — сама судьба,
Призвала их вдруг к ответу.
Для чего они живут
И кому серьёзно служат?
Настоящий строгий суд
Без гримас, насмешек, кружев.
Все клялись наперебой:
Их призвание высоко.
А моя, передо мной,
Лишь рыдала одиноко.

* * *

Раскрыла пасть ночная мгла.
Дома беспомощно повисли.
Пятнистая Луна взошла,
Мои прочесть пытаюсь мысли.
Взлетели звёзды в высоту
И зачадили, словно свечи.
Сегодня сердца пустоту
Заполнить нечем.

* * *

Я хотя не воробей,
А сижу себе на ветке,
Песни звонкие пою.
До чего же хорошо.
А в окошке надо мной
Над столом склонилась птица.
Пригляделся я, а это

Клювом пишет воробей.
Чудо вдруг произошло!
Поменялись мы местами.
Я чирикаю, летаю, -
Он же трудится, чудак!

* * *

Полунамёки,
Полувздохи,
Видений призрачных мазки.
Я собираю эти крохи —
И вновь рождаются стихи.
Да, жизнь – прекрасная злодейка,
В ней много солнца,
Много мглы.
Импрессион,
Не пожалей-ка
Своей сверкающей иглы!

* * *

Знакомая женщина
Долго и нудно
Жаловалась мне на свою жизнь.
«А ты хочешь быть царевной?» —
Неожиданно спросил я.
«Конечно!» — радостно ответила она.
«Тогда будь любезна,
Скачи отсюда лягушкой!»

* * *

Я сдал в аренду тело:
Носите на здоровье.
Мне тело надоело —
Огромное, воловье.

Я сдал в аренду разум:
Зачем он в нашей смуте?

Не применял ни разу,
Не доходил до сути.

Теперь живу и трушу —
Так одолели страхи.
Как сдать в аренду душу,
Ведь не берёт никто?

Ветка

Неужто веткой предстоит мне быть,
Любить листву как собственное тело,
Вдыхать ненастье грозовой судьбы,
Молиться солнцу тихо и несмело.
И защищать от непогоды птиц.
(Их песни — пластырь на больные раны.)
Склоняться перед грозным ветром ниц
Чтоб не развеять листьев караваны...

Ангел

Памяти моей мамы

А я, не верующий в Бога,
Увидел ангела в окне.
Смотрел печально он и строго,
И сразу страшно стало мне.
Да. Я виновен в этом мире
Не проповедовал добро,
А молча жил в своей квартире
И о бумагу рвал перо.
Так ничего и не посеяв,
Я жил на свете много дней.
Как искупить перед Россией
Хотя бы часть вины своей?

* * *

Я всегда был загружен работой,
Но находил минутку, чтобы черкнуть пару строк.

Но на этот раз
В порыве вдохновенья,
По рассеянности,
Записал пришедшие строки
На документе строгой секретности.
Вскоре меня объявили
Американским шпионом.
Долгие месяцы лучшие специалисты страны
Мучились над расшифровкой строки:
«Объелся вечер светофорным блеском»,
Но так и не расшифровали.
А вы сможете?

* * *

О бледный день,
Поникшие снега.
Печали тень,
И жизнь не дорога.
Шальная ночь,
Свирепая пурга,
Уже невмочь, —
Но жизнь так дорога!

* * *

У меня в носу серьга,
Но она не дорога.
Зыбкой ночью, при Луне,
Гном её повесил мне.
Этот гном — клеймо раба.
Этот гном — моя судьба.
До сих пор серьгу ношу,
Разрешенье снять прошу.
Только гном воротит нос, —
До свободы не дорос.

* * *

За окном на ветке
Сидела ворона
И дразнила меня:
То подмигивала
Левым глазом,
То вертелась, как заведённая.
Когда мне это надоело,
Я открыл окно
И хотел прогнать птицу,
Но она
Вдруг как закричит:
«Кар!
Я — твоя совесть!»
С тех пор стараюсь на этих птиц
Внимания не обращать.
У меня с совестью всё в порядке!

* * *

По всем уголкам души
Раскидали деревья свою немоту.
Они, словно вымершие мамонты,
Толпятся в моём сознании
И спокойно слёзы льют
Жёлтыми листьями.
Я не могу
Видеть этих жёлтых слёз.
Жёлтый цвет — это разлука...
Усилием воли крашу листья
В мой любимый, синий.
Они превращаются в цветы.
Синий — это цвет твоих глаз,
Любимая.
Я очень хочу,
Чтобы деревья

С синими листьями
Больше не плакали.

Чудеса

Прекрасно место на земле,
Где я когда-то не был.
Привольно нежился в тепле,
Кромсал густую небыль.
Орал несказанное там
И вспоминал, что будет;
Ел послезавтрашний туман,
Как очень вкусный студень.
Терял часы в прошедшей тьме,
В траве грядущей нежась;
Срывал ромашки по зиме,
Звал будущую нежность.
И утолив причуды сна,
Проснувшись на рассвете,
Я обнаружил, что Луна
Лежит в моём берете.

* * *

Надеваю маску скорби
И от горести скулю,
Потому что скорбь люблю.
Велика мне маска скорби.
Поношу, потом сорву,
Маску выброшу в траву.

Надеваю маску смерти,
Сердце рвётся из груди,
Жду бессмертья впереди.
Но мала мне маска смерти,
Тоже выброшу.

Она
И опасна, и страшна.

Надеваю маску жизни...

Шутка

Меня поцарапала кошка,
Потом поцарапала ветка —
И я, поцарапанный ими,
Явился, как призрак, домой.
Сказал, что царапала кошка,
Потом, что царапала ветка,
Но ты рассердилась, родная,
Совсем не поверила мне.
Тогда я сказал, что подрался
С какой-то несносной девицей;
Я к ней подошёл, попытался
Ей ласково что-то шепнуть.
Ты сразу поверила в это,
Схватила мои чемоданы
И выбросила из окна...
Меня поцарапала кошка,
Потом поцарапала ветка...
Теперь я мотаюсь с вещами,
Не нужный уже никому!

* * *

«Я хотел бы любить облака»

И. Анненский

Я хотел бы любить облака.
Не могу. Что-то ранит мне сердце.
Предпочтительней солнца строка,
Чем дождя приоткрытая дверца.

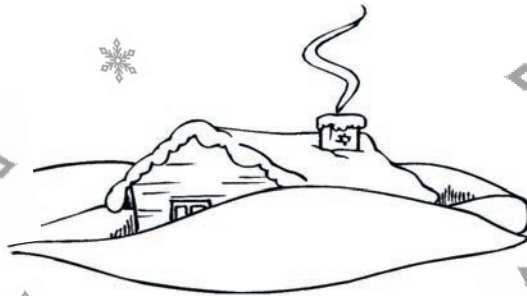
Нудный дождик — саднящая боль,
Надоедливо душу мне гложет.
Капли, словно нахальная моль,
Жизнь мою почему-то итожат.

Словно узник, сижу у окна
И мечтаю о солнце и лете.
Но красуется осень пока,

Метит листьями исподтишка —
И никто не указ ей на свете.

* * *

Закат.
Закатёнок.
Рыжий,
Ласковый котёнок.
Солнце — ниточек клубок,
Пробуй, котик, на зубок.
Поиграй,
Пусть от игры
Пляшут радостно дворы.
И деревья волчком.
И земля кувырком.
Размотался твой клубок —
Горизонт ему помог.
Закат.
Закатёнок,
Удивительный бесёнок.
Ты уходишь от меня,
подари чуть-чуть огня.
Исчезаешь?
Как сберечь
Твой огонь до новых встреч?

Музыкальное выступление 7

© Елена Ткачевская
© Владимир Поляков
© Маргарита Соснова
© Николай Иодловский

Редактура авторская
Дизайн, макет, вёрстка
Ткачевская Е. П.

ЛИТО ЦДУ
119034, г. Москва, ул. Пречистенка, 16

lito.domuch@gmail.com

www.lito-cdu.ru